

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Лев Толстой и время

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

И.А. Айзикова

**Статья В.А. Жуковского «О смертной казни»
в рецепции Л.Н. Толстого**

Общеизвестно, что статья В.А. Жуковского 1850 года «О смертной казни» вызвала резкое неприятие многих русских писателей, в том числе и Л.Н. Толстого. Говорили об отступлении поэта-романтика в этой статье от проповедуемых им христианских идеалов, Жуковского обвиняли в фарисействе и лицемерии. В предлагаемой статье мы обратимся к восприятию названного сочинения Жуковского Толстым в свете теории диалога, сразу оговорившись, что в наши задачи не входит сколько-нибудь полное исследование темы «Толстой о смертной казни», материалы здесь интересны и весьма объемны, и мы не претендуем на их последовательное и всестороннее рассмотрение.

Нас привлекла толстовская оценка статьи Жуковского «О смертной казни», которую мы находим в трактате «Царство Божие внутри вас», создававшемся Толстым с июля 1890 года по май 1893 года, выросшем из замысла предисловия к переводу брошюры «Катехизис непротivления» Адина Баллу, американского общественного деятеля, сторонника учения о непротivлении злу насилieм, и заключения к переводу трактата «Дeкларация чувств» еще одного американского общественного деятеля и проповедника вышеназванной идеи – Вильяма-Ллойда Гаррисона.

В письме к В.Г. Черткову от 17 сентября 1890 года Толстой сообщал, что хотел бы написать эти предисловие и заключение «кратко, ясно и так, как чувствую. Проще яснее показать (в них. – *И.А.*) значение непротivления для христианина и то, какую на основании этого закона должна представляться вся история христианства и та вера православная, католическая, протестантская, которая неправильно называется христианской» (87, 47). В тот же день Толстой писал об этом и П.И. Бирюкову: «...хотелось бы ясно и коротко выразить значение непротivления для христианства и то, что люди, признающие закон непротivления и не признающие его, не могут исповедовать одно и то же учение и потому не могут и называться одним и тем же именем» (65, 166).

Как отмечает В.Н. Горбачев, комментатор «Царства Божия...» в юбилейном Полном собрании сочинений писателя, «замысел углублялся, размеры статьи все более и более расширялись, и к концу работы из небольшой статьи выросло обширное сочинение, в котором отразились многие события общественно-политической жизни того времени» (28, 333), но пафос остался тот, о котором он писал в упомянутых нами

письмах: «...хорошо бы выразить учение Христа, как я его понимаю теперь» (51, 98).

Вставку о Жуковском и его статье Толстой сделал в одном из первых черновых автографов трактата, в контексте своих оценок поведения обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, к которому писатель обращался с просьбой передать его письмо к Александру III, где доказывал, что царь, как христианин, должен простить обвиняемых по делу о цареубийстве, произошедшем 1 марта 1881 года. Победоносцев, как известно, отказался выполнить просьбу Толстого и ответил ему уже после казни народовольцев: «Прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос – не Ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показали мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере не мог исполнить Ваше поручение» (цит. по: 28, 349).

Приводя ответ Победоносцева, Толстой отмечает: «Мне писал Победоносцев на мою просьбу во имя христианства ходатайствовать о прощении убийц 1-го марта, что его, Победоносцева, Христос не есть Христос смирения и слабости, а Христос силы и власти (не помню точных слов, но смысл этот самый)». Именно в этом месте рукописи, как указывает В.Н. Горбачев, на полях Толстой сделал следующую вставку: «Не знаю лучшего примера ... извращения христианства людьми, стоящими у власти, как записка сладкого, изнеженного христианского поэта Жуковского о том, как устроить смертную казнь в церкви, как это будет трогательно» (28, 349).

В более поздней редакции ответ Победоносцева приводится без названия фамилии: «Один борец за православие, занимающий важную должность, на мою просьбу во имя христианства ходатайствовать о прощении убийц, отвечал мне, что Христос, которого исповедует он, этот его православный Христос, не есть мой Христос (как он выразился), Христос смирения и слабости, а Христос силы и власти, т.е. такой, который не только не велит прощать убийц, но велит казнить их. Не помню точных слов, но смысл этот самый» (28, 349), а от приведенного выше высказывания о Жуковском и его статье Толстой вообще отказался.

В окончательном тексте трактата суждение о статье Жуковского «О смертной казни» находим в 4-й подглаве заключительной XII главы. Оно сформулировано так: «Одна казнь, совершенная не находящимися под действием страсти, достаточными, образованными людьми, с одобрения и с участием христианских пастырей и выставляемая как нечто необходимое и даже справедливое, развращает и озверяет людей больше, чем сотни и тысячи убийств, совершенных людьми рабочими, необ-

разованными, да еще в увлечениях страсти. Казнь такая, какую предлагал устроить Жуковский, такая, при которой люди испытывали бы даже, как предлагал Жуковский, религиозное умиление, была бы самым развращающим действием, которое только можно себе представить» (28, 272). И словно ради объективности Толстой отправляет своих читателей непосредственно к тексту Жуковского, ссылаясь на 6-е издание его сочинений, по которому он, по-видимому, и читал статью: «(см. VI том полн. собр. соч. Жуковского)» (28, 273).

Как видим, заметно смягчив высказывание и о Жуковском, и о его сочинении, Толстой все же не принимает представление поэта-романтика о смертной казни. Он не верит в «религиозное умиление» как следствие казни, утверждаемое, как это прочитал Толстой, в статье Жуковского, и помещает слова о его статье в контекст своих рассуждений о лицемерии, которое «развращает, озлобляет, озверяет и потому разъединяет людей» больше, чем воровство, грабеж, убийство, блуд, подлоги (28, 271).

Итак, импульсом к рассматриваемому диалогу послужило не сходство, а принципиальное, в представлении Толстого, различие его и Жуковского точек зрения на проблему смертной казни, что, в соответствии с логикой теории диалога М.М. Бахтина и его единомышленников, и скрепляет «разнородный материал в единое целое». Развивая эту мысль в семиотическом плане, Ю.М. Лотман указывал на то, что именно ситуация диалога не допускает «однозначности» в интерпретации передаваемого сообщения, усложняя его «семиотическую структуру» и позволяя «осуществить выработку нового сообщения»¹.

К тому же диалог, по утверждению Ю.М. Лотмана, «с двух сторон открыт непрерывному усложнению», каждая часть возникающего нового текста «имеет тенденцию ... усложняться, образуя некоторое замкнутое целое, и интегрироваться с другими структурами того же уровня, входя как часть в более сложные целостные образования»². В этом плане толстовская рецепция статьи Жуковского «О смертной казни» нам представляется весьма интересной, позволяющей глубже понять и текст Жуковского, и позицию Толстого в данном вопросе, одном из самых актуальных для России и Европы XIX в., и сам рецептивный механизм, диалогичный по своей природе.

Судя по целому ряду публицистических работ Толстого (таких, например, как «Смертная казнь и христианство», «Так что же нам делать», «Пора понять», «Не могу молчать»), он вообще не принимает смертную казнь ни как наказание, ни как путь к раскаянию в преступлении. Он не видит в данном акте никаких положительных моментов ни для приговоренных, ни для тех, кто приговаривает к казни и уж тем более присутст-

уует на ней или осуществляет ее. С его точки зрения, казнь «уничтожает в сознании людей различие между добром и злом, лишает их этим возможностью избегать зла и искать добра, лишает их того, что составляет сущность истинной человеческой жизни, и потому стоит на пути всякого совершенствования людей» (28, 271). Позиция выражена писателем довольно ясно и повторяется в перечисленных выше публикациях. Она прямо противоположна мнению Жуковского.

Однако, что хорошо известно, «непременным условием диалога» является не только «наличие двух сопоставимых кусков текста, отличающихся направленностью, точкой зрения, оценкой, ракурсом», но и «совпадающих по некоторому «содержанию» сообщения или его части. <...> Элемент диалогизма, – пишет Ю.М. Лотман, – определяется ... общим семантическим ядром»³. Таким «ядром» в нашем материале при ближайшем рассмотрении оказывается общая для Жуковского и Толстого идея самосовершенствования личности, которая, по мнению исследователей, заложила в 1830–40-х гг. «толстовское направление» в русской литературе⁴ и которая лежит в основе статьи Жуковского «О смертной казни».

Обратимся к ней под этим углом зрения. Будучи фрагментом письма к великому князю Александру Николаевичу, написанного 16 января 1850 года, она является откликом на публичную казнь супругов Маннингов в Лондоне, которая вызвала очередной всплеск дискуссии об отношении к смертной казни в обществе. Кроме того, как отмечает И.Ю. Веницкий, этой статьей эпистолярной природы поэт отозвался на «полупубличную» казнь над петрашевцами, которая, как известно, была отменена в последний момент Николаем I, а великий князь Александр Николаевич, адресат Жуковского, был «распорядителем петербургского действия»⁵.

Соглашаясь с исследователем в том, что статья Жуковского предлагает «христианизировать ритуал смертной казни, спрятав последнюю от зрителей», представляя своего рода сценарий этого ритуала, расписывая семантику каждого его элемента (христиане приходят накануне казни в церковь, молятся за душу грешника, который в это время готовится к смерти; осужденный перейдет из темницы через церковь, в сопровождении религиозного пения, прямо к Богу, к встрече с которым его подготовит предсмертная исповедь), мы позволим себе добавить следующее. В рассматриваемой статье поэт-романтик прежде всего развивает свою знаменитую философию скорби, которая занимает важнейшее место в его поздней прозе, вытекая из любимой мысли писателя о нравственном развитии человека как сути его земной жизни. Исключительно в этом свете Жуковский «пересказывает» в другой своей поздней статье –

«Две сцены из “Фауста”» – сцену казни Маргариты из трагедии Гете «Фауст»⁶. Вопрос о смертной казни ставится Жуковским в обеих статьях в нравственно-психологическом и тесно связанном с ним религиозно-философском аспекте⁷.

Для полноты картины необходимо вписать статью Жуковского «О смертной казни» в контекст еще одной его статьи – «О смерти», также представлявшей собой первоначально личное письмо Жуковского к Гоголю от 20 февраля (4 марта) 1847 года, которое было опубликовано с некоторыми сокращениями и редакционными изменениями в 1848 году в «Москвитянине» (№4). Ее содержание составляют философские размышления автора о прекращении земной жизни человека, оборотной стороной которой является бессмертие человеческой души.

Эпистолярная природа статьи Жуковского религиозно-философского содержания сказывается прежде всего на ее особом лиризме. Жуковский развивает здесь сугубо личные мысли о смерти, соотнося их, однако, с христианскими заповедями, стремясь слиться с ними, что и подчеркивается стилистически. Повествование от абстрактно-обобщенного 3 л. множественного числа («мы, живые») или от некоего безличного автора, еще более абстрактное (напр.: «Можно даже сказать, что <...>»), органично переходит к исповедальной форме: «Все это я прежде думал; теперь я это видел, и опыт близкого мне сердца сделался моим собственным опытом»⁸.

В конце статьи «я» вновь переходит в «мы», в котором сливаются голос автора и голос «отца-христианина», слова которого, сказанные «своей семье в первую минуту горькой утраты», по сути, обращены ко всем. Они призывают смиренно принимать «земное бедствие в присутствии христианства». Только вера, считает Жуковский, может обратить смерть-«бедствие», способное «раздавить душу», в «утешительный свет». Сквозь всю статью проходит важнейшая для Жуковского идея смирения, понимаемого как преображение духовным зрением физического акта, и связанная с этим идея «невъразимого».

Итак, смерть для Жуковского – это великая тайна, касающаяся кардинальной перестройки духовной жизни личности. Возвращаясь к статье «О смертной казни», скажем, что Жуковский, как и многие его современники, конечно, не принимает казнь как «механическое действие общественной машины», когда смерть человека становится циничным актом – «арифметическим вычитанием одной цифры из общей суммы»⁹. Поднимая глубинные пласты такого понятия, как наказание, Жуковский видит в нем не «*акт правосудия гражданского*», но «*акт любви христианской*». Наказание не мыслится Жуковским без мук совести и покаяния преступника, без «спасительного душевного пере-

лома», означающего прежде всего «примирение» с волей Божией, с самим собой и окружающим миром. С другой стороны, наказания не может быть без сострадания к судьбе грешника, в котором наказывающим необходимо увидеть своего брата и помочь ему «смягчить душу для покорности и покаяния»¹⁰.

Жизнь преступника после совершения преступления до последней ее минуты должна быть отдана «на произвол собственного размышления, которое лучше всего приготовит его к присутствию Божию на последней исповеди», а значит, к спасению души, т. е. она должна быть «освещена религией». Придет ли к преступнику раскаяние, невозможное без искренней веры, во многом зависит от Бога, но во власти окружающих позаботиться «о небесной судьбе своей земной жертвы». «<...> внутри темницы и позже на месте казни все должно иметь характер *примирительно христианский*», – пишет Жуковский¹¹.

Все эти идеи, по сути своей, очень близки Толстому, так резко выступившему против статьи Жуковского «О смертной казни», принявшему его эстетизацию акта казни, чему в творчестве поэта-романтика подвергалось все, включая веру в Бога, за лицемерие, не оценившему его религиозного проекта, в котором в духе идей 1830–40-х гг., идеи синтеза в первую очередь, органично слились философия и религия, идеология и поэзия.

И.Ю. Виницкий находит очень точное определение сверхзадачи Жуковского в данной статье: представить казнь как пробуждающую «в народе не праздное любопытство и не мучительный страх, а *религиозное воображение*»¹². По точному определению исследователя, статья Жуковского «О смертной казни» – это попытка заставить людей, живущих в атмосфере 1840-х гг., увидеть «грядущую казнь»¹³, одновременно вспомнив о Голгофе. Концепция казни Жуковского должна быть осмыслена как символическое обобщение, образ романтической философии истории, как ее понимал поэт. Вопрос о казни для Жуковского – это вопрос исторический, историософский, в его основе лежит концепция личности, причудливо сочетающая религию и философию, веру в Бога и просветительскую веру в человека¹⁴.

Наконец отметим, что своей статьей Жуковский не только выражает точку зрения на смертную казнь как общественный деятель, но и в гораздо большей степени, как нам представляется, разрабатывает эту тему, одну из важнейших в мировой культуре и в его собственном творчестве (здесь только напомним баллады и повести Жуковского, в которых постоянным является мотив казни), как художник. Не случайно в статье «О смертной казни» такую большую роль играет символика образов («угрожающая вдали своим мечем Немезида», эшафот, гильотина как

«представитель бесчувственного фатума», стена, крест, церковь), цвета (цвет грязи и крови), звука (пение молитв о душе грешника), пространства (земля, небо, уединение темницы, уединение гроба), мотивный комплекс, несущий мощный мифопоэтический подтекст, передающий идею инициации. В заключении статьи автор подчеркивает, что созданный им «*образ смертной казни* будет в одно время и величественным актом человеческого правосудия, и убедительною проповедью для нравственности народной»¹⁵.

В связи с этим интересно хотя бы кратко остановиться на проблеме собственно художественного воплощения темы смертной казни у Толстого. В VI главе третьей части романа «Воскресение» Крыльцов, арестованный за революционную деятельность и идущий по этапу вместе с Масловой, рассказывает Нехлюдову о том, как были казнены его соседи по камере, поляк Лозинский и еврейский мальчик Розовский. Передавая эту картину глазами арестанта, Толстой прежде всего подчеркивает, что никто первоначально даже не поверил, что приговор будет приведен в исполнение, настолько неестественным казалось всем, «чтобы можно было такого ребенка, как Розовского, казнить» (32, 376).

Сцена ночи перед казнью и самой казни, как и у Жуковского, строится на символике звука, цвета и света, на образах-символах (двери, коридор, эшафот), что передает внутреннее состояние человека. Но при этом Толстой не видит в акте казни никакой таинственности и уж тем более таинства, подчеркивая именно «материальность самого акта», его ужас и бессмысленность. «Что отвратительнее этой виселицы, на которой несколько минут вьется в конвульсиях живой человек», – пишет Жуковский. Словно в ответ ему Толстой описывает казнь с самыми душераздирающими подробностями именно материального плана: «Так и повесили. Веревками задушили обоих. Сторож <...> видел и рассказывал мне, что Лозинский не противился, но Розовский долго бился, так что его втащили на эшафот и силой вложили ему голову в петлю. <...> “Как повисли они – только два раза так плечами, – он показал, как судорожно поднялись и опустились плечи, – потом палач подернул <...> и не дрогнули больше”»¹⁶. Активно используя портретные характеристики, автор подчеркивает реакцию приговоренных к казни и окружающих на предстоящее и произошедшее событие. Показательно, что ни на кого казнь не произвела очистительного действия: у всех были «бледные, понурые, серые лица», «странные, визгливые, пронзительные голоса» и одно ощущение – страха.

В повести «Божеское и человеческое», над которой Толстой работал в 1903–1905 гг. и прототипом которой стал один из революционеров, повешенных в 1879 году по обвинению в подготовке к покушению на

Александра II, писателя также волнует изображение реакции героя на вынесение ему смертного приговора, его поведения перед казнью и во время казни. К мотивам и образам, которые были использованы в «Воскресении», здесь добавляется идея религиозных исканий и переживаний героя, что особенно ярко демонстрирует разность идейных подходов Толстого и Жуковского к проблеме и ее воплощению в художественном произведении.

В повести Толстого практически отсутствует мотив раскаяния и очищения от греха, главный для Жуковского, пишущего о смертной казни. В принятом решении – подписать смертный приговор – не раскаивается генерал, отрекается от Бога мать приговоренного Светлогуба, который в ожидании казни жалеет «молодые силы и радости, которыми он так легко жертвовал»¹⁷, а в предсмертном письме матери пишет, что «не раскаивается в том, что делал», что не боится смерти, т.к. не понимает ее и не верит в ее существование, вернее, в то, что он «должен умереть». Евангелие, с которым Светлогуб взшел на эшафот, ему не помогает, и он отказывается от помощи священника. Лейтмотивом звучит авторская мысль о том, что человеческое сознание не способно «обнять всего значения предстоящей минуты». Следствием казни в повести стало то, что палач после этого отказался от своих обязанностей и «в ту же неделю пропил все деньги, полученные за казнь»¹⁸, а затем был посажен в карцер и оттуда переведен в больницу, а старику-раскольнику, видевшему казнь, в его предсмертный час явился образ атеиста Светлогуба как воплощение истины и жертвы за веру.

Таким образом, Л.Н. Толстой, сторонник непротравления злу насилем, противопоставил концепции смертной казни В.А. Жуковского полное неприятие казни вообще. Он четко отделил свое представление о спасении человека и общества от религиозного проекта поэта-романтика. В определенной мере это даже закономерно: веяния разных общественно-исторических и религиозно-философских эпох, которым принадлежали два великих классика (1840-е и 1900-е гг.), создают условия для значительной аберрации восприятия – Толстой принял Жуковского за «сладкого, изнеженного поэта», а его статью – за «записку, извращающую христианство» и «развращающую» христиан. Однако дальнейшее историко-культурное развитие показало, что при всей глубине различий позиции Жуковского и Толстого в вопросе о наказании, как и во многом другом, имеют гораздо больше общего, чем отличного. Это идея самосовершенствования личности, вера в человека, в его добрую, божественную природу, чем и определяется органический переход русской литературы XIX века от романтизма к классическому реализму.

Примечания

¹ *Лотман Ю.М.* К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // *Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. I. С. 111, 114.*

² Там же. С. 115.

³ *Лотман Ю.М.* К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина // *Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. II. С. 381.*

⁴ См. об этом: *Лотман Ю.М.* Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // *Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. III. С. 49–90.*

⁵ *Виницкий И.Ю.* Поэтическая историософия В.А. Жуковского: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. С. 36.

⁶ Ц.С. Вольпе отмечает связь статьи «О смертной казни» и переводной повести Жуковского «Маттео Фальконе» (1843 г.), где подчеркивается мысль о справедливости и необходимости казни преступника и одновременно проводится мотив покаяния перед смертью, мотив помилования и успокоения Господом души казненного (см.: *Жуковский В.А.* Стихотворения. 1-е изд.. Л., 1940. Т. II. С. 485).

⁷ См. об этом подробнее в кн.: *Айзикова И.А.* Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004. С. 353–357.

⁸ *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. X. С. 74.

⁹ Там же. С. 141.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 141, 142 (выделено мной. – *И.А.*).

¹² *Виницкий И.Ю.* Указ. соч. С. 36 (выделено курсивом у автора. – *И.А.*).

¹³ Там же. С. 38.

¹⁴ Т. Гузаиров предлагает еще один путь к интерпретации статьи Жуковского «О смертной казни» – через осмысление поэтом дела и судьбы декабристов (см.: *Гузаиров Т.* В поисках веры: о предыстории статьи В.А. Жуковского «О смертной казни» // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: В 2 ч. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. Ч. 1. С. 203–220).*

¹⁵ *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. X. С. 142 (выделено мной. – *И.А.*).

¹⁶ Там же. С. 389.

¹⁷ Там же. Т. XIV. С. 259.

¹⁸ Там же. С. 271.